

DOI: 10.46698/VNC.2021.37.90.001

В. А. КУЗНЕЦОВ,

*ЦСАИ им. В. И. Абаева, Владикавказ***НИЖНИЙ АРХЫЗ И СЕВЕРНЫЙ ХРАМ — КАФЕДРАЛЬНЫЙ
СОБОР АЛАНСКОЙ ЕПАРХИИ**

Недавно мир узнал о пожаре в знаменитом Notre-Dame de Paris — соборе Парижской Богоматери. Мир был потрясен. На межгосударственном уровне начался сбор средств на восстановление Нотр-Дам — архитектурного шедевра ранней французской готики XII в. О готовности России участвовать в восстановлении Нотр Дам заявил Президент РФ В. В. Путин. Реагировал, по крайней мере, весь христианский мир, и это событие стало одним из знаковых — наши общие цивилизационные ценности в опасности.

Несколькими годами раньше на Северном Кавказе горел Шоанинский храм в верховьях Кубани, близ осетинского села Коста Хетагурово. Конечно, это не Париж, а Шоанинский храм не Нотр-Дам, но если посмотреть внимательно, мы увидим, что это явления одного порядка — крайне небрежного отношения к великому наследию, оставленному нам предшествующими поколениями. Это цивилизационные преступления.

Пожар в Шоане не есть обычный, бытовой пожар в лесу или в обветшавшем старом доме. Храм Шоана для всех нас — наш Нотр-Дам. Если Нотр-Дам относится к XII в., храм Шоана на Верхней Кубани — X в., он входит в группу купольных храмов Западной Алании, которые компактны по территории и по времени — X в. Это древнейшие христианские храмы на всей территории громадной России и это научно установлено. Но разве это не значимо для истории цивилизации Европы?

Здесь неизбежно возникает далеко не праздный вопрос, уже поднятый Л. Г. Хрушковой — о крайне обрывочной и недостаточной информации в Западной Европе о русской научной школе в области христианской археологии, которая становится «подлинной исторической наукой» (со ссылкой на де Росси и У. Френда; см.: Хрушкова, 2000, 218). Автор приводит высказывание У. Френда, оценивающего последний период христианской археологии как «Ящик Пандоры», имея в виду стремительно умножающееся в разных странах число археологических исследований

(Хрушкова, там же). В число этих стран должна быть включена и Россия, активно работающая в рамках христианской археологии и евразийского геополитического местоположения РФ, особенно Кавказа. Огромная проблема «Христианский Восток» зримо встает перед нами издаваемый во Владикавказе научный журнал «Nartamongæ» может стать информационным центром по трансляции российско-осетинских разработок в Западной Европе и установлению деловых взаимосвязей.

Однако зададим себе вопрос: был ли информационный бум в связи с пожаром в Шоане? Какой была реакция наших СМИ и властей светских и церковных? Были ли проведены работы по восстановлению пострадавшей святыни? Увы, нет, у нас нет своего Нотр Дама. Замечу, что ни один из древнейших храмов РФ никогда не подвергался научной реставрации, хотя в советские времена такие попытки предпринимались архитекторами ЦНРМ, но не состоялись из-за отсутствия средств.

Но изучение купольных храмов продолжается. Не будем отвлекаться на описание существующих публикаций, их много. Укажу наиболее крупные и значимые, вышедшие в послевоенный период: автора этих строк (Кузнецов, 1977), Л. А. Перфильевой (Перфильева, 2004), К. Н. Афанасьева (Афанасьев, 1986), Д.В. Белецкого и А. Ю. Виноградова (Белецкий, Виноградов, 2011). Общее представление о христианизации алан и христианском центре Алании дано в двух монографиях В. А. Кузнецова (Кузнецов, 2002; Кузнецов, 2017).

Тем не менее, остается ряд принципиальных вопросов, вызывающих разночтения у исследователей. Аланские купольные храмы — это 5 зданий: три храма, так называемые Зеленчукские, находятся на Нижне-Архызском городище X–XII вв. в долине р. Большой Зеленчук; храм Шоана на вершине громадной скалы близ осетинского села Коста Хетагурово на левом берегу р. Кубань и Сентинский храм при слиянии Кубани и Теберды. Из них лучше изучены Сентинский храм и средний храм в Нижнем Архызе. Северный храм Нижнего Архыза изучается, но монографически не издан, в таком же состоянии находятся храмы южный и Шоана.

Особого внимания заслуживает северный храм Нижне-Архызского городища. Можно считать установленным, что именно он был центром Аланской епархии Константинопольской патриархии, известной нам по византийским письменным источникам, следовательно, один из трех местных храмов должен быть кафедральным собором аланских иерархов и резиденцией митрополитов Алании. Этот храм должны были возвести первым — такова логика акта массы людей, принимавших новую религию. Таким храмом давно признан северный храм, он — самый большой.

Но единого мнения об этом нет, есть иные точки зрения. Спорный вопрос. Дискуссии продолжаются и стала очевидной актуальность и практическая значимость данной проблемы в связи с приближающимся 1100-летием крещения исторической Алании — раннефеодального государства, созданного предками осетинского народа. Алано-осетины стали православными на 70 лет раньше Древней Руси и это историческое событие мы должны помнить.

Но все начиналось с северного храма в Нижнем Архызе! Задача нашей статьи состоит в том, чтобы ещё раз показать истинную роль Нижнего Архыза и в нем — северного храма, как кафедрального собора Аланской епархии и древнейшего христианского храма на территории Российской Федерации, поскольку я считаю северный храм основным по своим социальным функциям и самым ранним и поэтому ключевым зданием в группе крестовокупольных трехапсидных храмов всей Западной Алании. Начнем с обсуждения вопроса о времени строительства этого храма.

Время строительства в досоветской литературе определялось как X–XI вв. и указывалось на Византийское происхождение храмов (П. С. УВАРОВА, В. М. СЫСОЕВ; см.: СЫСОЕВ, 1898, 122–123, рис, 19–21, табл. XV). Эти первые определения верны, но слишком растянуты.

Можно попытаться получить более узкую дату. Источников с подобной информацией нет, ее приходится собирать буквально по крохам, но в целом способным дать некое приближение к истине.

Вновь подчеркну, что северный храм имеет историко-типологические параллели прежде всего в соседней Абхазии — Лыхны (храм Успения Божьей матери, X в. (АДЗИНБА, 1958; ЧАЧХАЛИА, 2016, 11–20; МИЛОВАНОВА, 2016 и др.). Пицунда (РЧЕУЛИШВИЛИ, 1988; ЧАЧХАЛИА, 2016, 11–20; МОКВИ; СЕВЕРОВ, с. 194; ЧАЧХАЛИА, 2016, 34–39 и др.). Разумеется, во многих деталях легко найти несовпадения, речь о принципиальных сходениях, говорящих о принадлежности к одной архитектурной школе. Первым объектом сравнения, как сказано, должен быть уже принятый специалистами Лыхненский храм Успения, тем более что доктор архитектуры, метролог К. Н. Афанасьев установил общность ряда модульных размеров между северным храмом и храмом Успения в Лыхны. Совершенно очевидно, что церкви эти сооружены в одно время и принадлежат одной архитектурной школе (АФАНАСЬЕВ, 1986, 106). В Алании таковой не было, влияние шло из Абхазии. Когда? Последний ответ на этот вопрос принадлежит Д. К. Чачхалиа: «В семье крестово-купольных церквей X–XI вв. абхазской архитектурной школы, Успенский храм в Лыхны считается наиболее ранним сооружением»

(Чачхалиа, 2016, 12). Эта дата расплывчата, но принята (Перфильева, 2004, 197), по К. Н. Афанасьеву вывод этот «совершенно неоспорим» (Афанасьев, 1986, 108). Однако, никто при этом не вспоминает о том, что П. Иосселиани ставил в связь строительство резиденции Баграта III в Зуфу-Лыхны в 1012 г. (Иосселиани, 1844, 403), а А. Леонид указал на одной из фресок Лыхненского храма надпись 1066 г. — эпохи Абхазо-Карталинского (Картлийского — В. К.) царя Баграта IV (1027–1072 гг.; Леонид, 1887, 44). С этими датами надо бы разобраться, тем более что Баграт IV был в династических связях с царем Верхнекубанской (Западной) Алании Дургулелем Великим. А в наши дни архитектор В.В. Пищулина предложила свою периодизацию храмов Нижнего Архыза; первым был построен южный храм, затем средний, последним в середине X в. северный храм (Пищулина, 2004, 227). Никаких доказательств, нагромождение недоразумений.

Значение действительно авторитетного специалиста для нас — мнение историка древнерусской архитектуры X–XII вв. А. И. Комеча. Говоря о памятниках только что христианизировавшейся Алании, он отмечает: «Северный и средний храмы Архызского городища — аналогии заставляют поддерживать их датировку серединой X в.» (Комеч, 1987, 71). После выступления А. И. Комеча, основанного на чисто историко-архитектурных типологических и эстетических принципах и методах, его датировка блестяще подтвердилась крупным открытием А. Ю. Виноградова и Д. В. Белецкого. В 2005 г. они опубликовали уникальную греческую надпись на штукатурке Сентинского храма об освящении его 2 апреля 965 года митрополитом Алании Феодором, с упоминанием эксусиократора Алании Давида и эксусиократиссы Марии (Белецкий, Виноградов, 2005, 138–139; Белецкий, Виноградов, 2011, 241–245). Открытие документально точной даты в Сентах — событие для нас большого значения, справедливо отмеченного Белецким и Виноградовым, как факт, который теперь позволяет относить крупное церковное строительство в Алании к времени императора Византии Никифора II Фоки (963–969 гг.), т.е. к середине X в. (Белецкий, Виноградов, 2011, 47). Кстати, попутно отмечу, что Никифор II Фока, судя по контексту надписи, содействовал храмовому строительству в Алании.

Вернемся к храмам Алании и северному храму.

Они в историческом аспекте убедительно считаются принадлежащими хорошо известной по византийским источникам Аланской епархии Константинопольской патриархии. Как показал Ю. А. Кулаковский, «Первое упоминание Алании содержится в списке, принадлежащем X веку, в котором есть уже и Россия, *Notitia II Parthey*’я. Аланская кафедра повысилась к тому времени в своем ранге и числится даже не архиепископией, как было при патриархе Николае Мистике в пору ее основания, а митрополией,

занимая по достоинству место непосредственно вслед за Россией, т.е. 61-е место» (Кулаковский, 2000, 176). В церковных notiциях о строительстве храмов в новой, Кавказской епархии не говорится, но контекст источника указывает именно на Кавказскую Аланию (соседство с Абхазией) и территориальная локализация группы верхнекубанских храмов именно во времени не раньше X в. сомнений не вызывает. Сумма полных совпадений территории, времени и информации письменных источников дает для этого все основания.

Согласно Ю. А. Кулаковскому, христианизация алан византийскими миссионерами состоялась во второе патриаршество Николая Мистика в 912–925 гг. Как считает С. Н. Малахов, скорее всего крещение алан, согласно письмам Николая Мистика, произошло в 912–922 гг. (Малахов, 2015, 30). Следовательно, собор для совершения этого таинства должен был быть построен в этот отрезок времени. Указать более узкую дату невозможно, храм строился достаточно длительное время даже при участии абхазских мастеров. Близкий по размерам кафедрал на городище Самшвилде в VIII в. строился 19 лет (759–770 гг.) и это нормально¹ (Чубинашвили, 1990, 87). Вряд ли в Алании было иначе, но чтобы храм был готов к указанному сроку, он должен был быть заложен в первое патриаршество Николая Мистика в 901–907 гг. С. Н. Малахов заметил, что наиболее интенсивная переписка между патриархом и миссионерами осуществлялась между 914 и 918 гг. В 918 г., переписка оборвалась (Малахов, 2015, 26, 29). Не связано ли это с завершением строительства и первым актом крещения знати алан и царя?

Датированные надписи. Первым известным мне русским, побывавшим в Нижнем Архызе, был майор русской армии Потемкин. В 1802 г. на кладбище около северного храма он обнаружил каменный крест с греческой надписью «Лето от сотворения мира донныне, честного креста 6521» (1013 г.; Латышев, 1904, 110). Кроме того, в комментарии Ю. Клапрота к труду Я. Потоцкого (Ротоски, 1829, 242) говорится, что Потемкин переписал надпись в интерьере северного храма: «Святой Николай покровитель (протектор) Аспе». Аспе может быть названием города, Белецкий и Виноградов уже обратили на это внимание. В таком случае св. Николай — это несомненно Николай Мирликийский или Николай Чудотворец. Более того, св. Николай Чудотворец выступает перед нами как покровитель и заступник всех православных Западной Алании. Это предположение подтвердилось недавно впервые опубликованным медным выносным крестом XI–XII вв., случайно найденным в верховьях р. Аксаут (более подробной информации нет). Издавший его С. Н. Малахов в своей подробной интерпретации греческой

¹ В Западной Европе Шартрский собор 26 лет, собор в Реймсе 21 год (Дюби, 1994, 124).

надписи на кресте (50x23 см) и переводе «Иисус Христос. Свет. Жизнь. Победдай, Святой Николай, помоги...» (Малахов, 2017,54). «Появления имени св. Николая Мирликийского на аксаутском кресте указывает, вероятно, на особую известность этого святого в аланской этнической среде Верхнего Прикубанья» (там же, 57). Далее указываются историко-этнографические параллели в живом этнографическом быте современных западных осетин-дигорцев. Это особая тема для научной разработки.

Летом 1960 г. в ходе раскопок в северном храме, на полу нартекса мной был найден большой (длина 23 см.) бронзовый крест с греческой надписью: «обновлен честной крест боголюбивейшим монахом Фомой пресвитером года от Адама 6575-го, индикта 5-го» (Скржинская, 1962, 121). Е. Ч. Скржинская отмечает, что дата выражена тремя способами: 1) по византийскому летоисчислению, 2) индиктом, 3) годом лунного цикла. 6575 год соответствует 1067 г. н.э. (там же). Скржинская отмечает, что Фома хорошо разбирался в летоисчислении и, вероятно, был настоятелем северного храма, епископом. Причём образованным. В чем состояло «обновление» креста, очевидно византийского?²

На этот интересный вопрос попыталась ответить сама Е. Ч. Скржинская: «Фома получил крест в испорченном состоянии и «обновил» его при помощи надписи» (там же, с. 125). Это «обновление» было настолько актуально, что побудило Фому на акт обновления главного символа христианства в его храме-Кафедрале закрепить специальной надписью, после чего крест получил право называться «честным». Конкретнее и функционально «по моему мнению», он был первоначально на престольным и находился в алтаре храма. Крест не мог быть изготовлен на месте, в Алании, он сработан если не в мастерских Константинополя, то в Трапезунде, явно влиявшей на строительство северного храма в начале X в., и мог входить в число разнообразных церковных аксессуаров, без коих не мог обходиться храмоводел, в варварско-безбожной стране. Если мои рассуждения допустимы, крест следует датировать не 1067 г. (это дата надписи), а временем освящения храма. Тогда крест с надписью 1067 г. был свидетелем крупного исторического события. Впоследствии, в результате каких-то потрясений (не войны ли с хазарами в 932 г.), когда аланы оказались побеждены и, по ал-Масуди, «изгнали епископов и священников, присланных к ним византийским императором» (Алемань, 2003, 347). У креста сознательно кем-то враждебным была оторвана рукоять. Крест остался в храме и долго

² Однако, следует заметить, что аналогичные, но серебряные кресты XI в. известны в Грузии (Шемокмеди, см.: Банк, 1978, рис. 15, 24 выносной запрестольный крест с изображением. Распятия из коллекции J. Mourier; см: L'Art au Caucase par J. MOURIER, 47). Грузинское происхождение этих крестов не установлено.

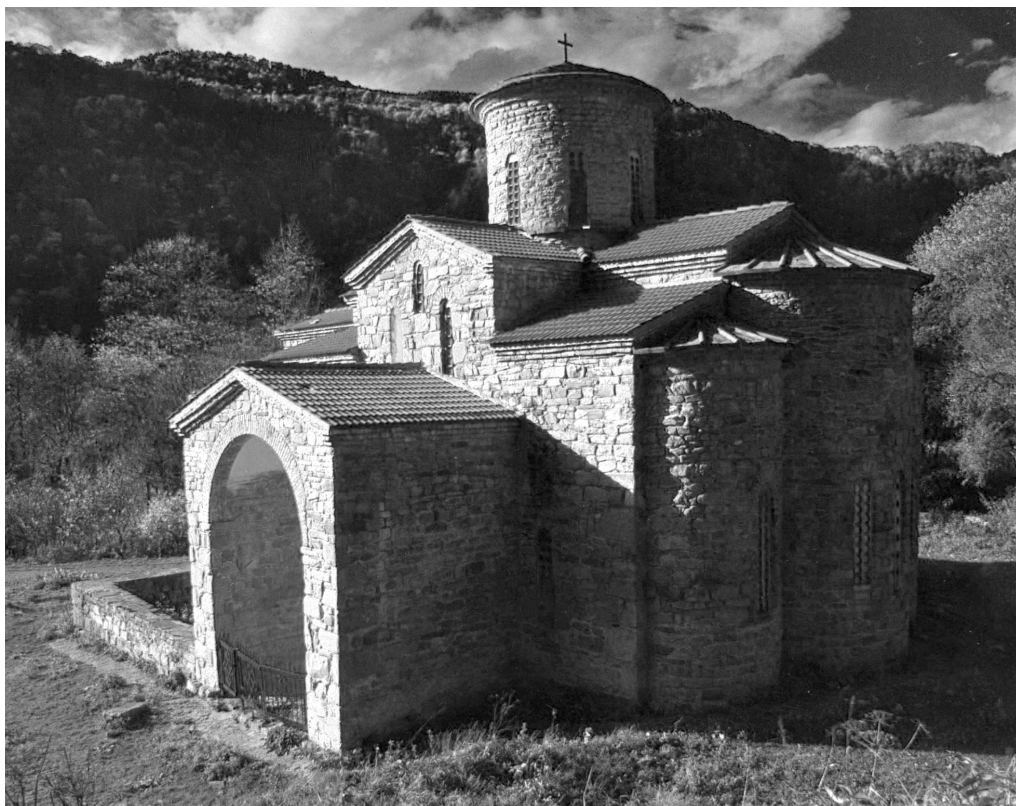

1

2

Северный храм: 1 — восточная часть с апсидами, до раскопок.
Снимок 1952 г.; 2 — вариант реконструкции храма без нартекса.
Архитектор Н. Г. Разина, искусствовед Л. А. Перфильева

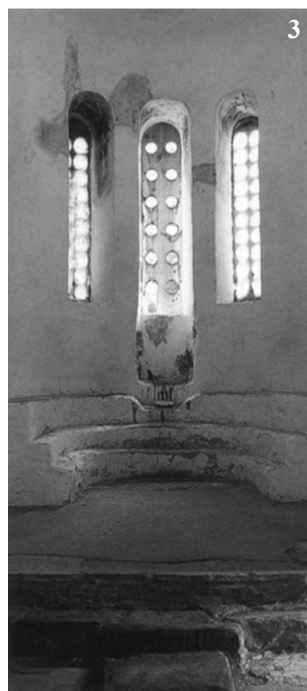
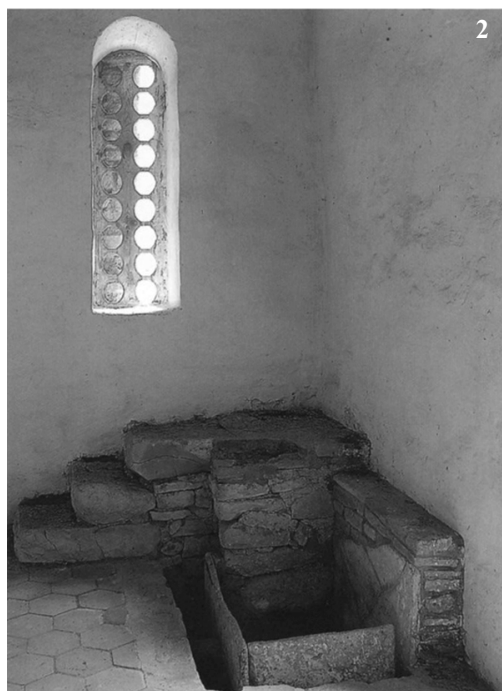
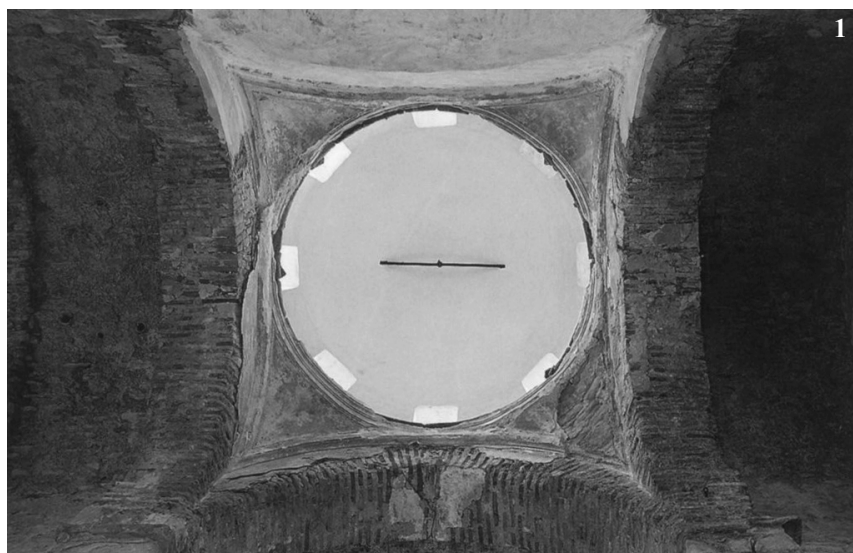

Северный храм после ремонтно-реставрационных работ
(современное состояние). Вид с юго-востока

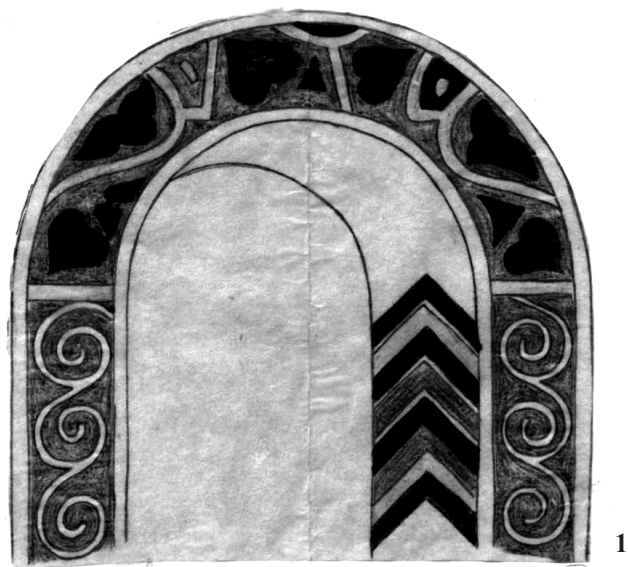

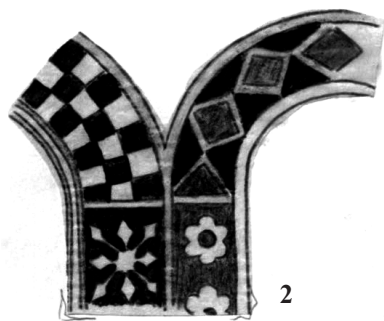
Северный храм. Крест с греческой надписью и датой 1013 г., стоявший на христианском кладбище у храма. Обнаружен майором Потемкиным в 1802 г.

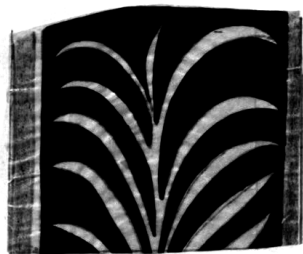
Северный храм — кафедральный собор Аланской епархии:
1 — подкупольный квадрат, подпружные арки из плинфы; 2 — баптистерий в северо-западном углу нартекса и купель, после ремонта (пол выложен тротуарной плиткой) и т.д.; 3 — центральная апсида и алтарь, трехступенчатая солея и горнее место в центре. После ремонта, 2011 г.

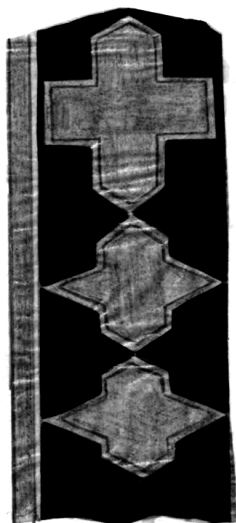
1

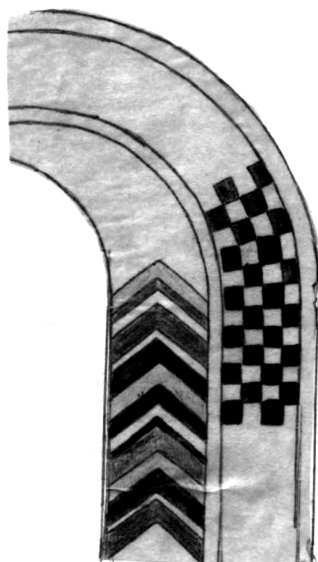
2

3

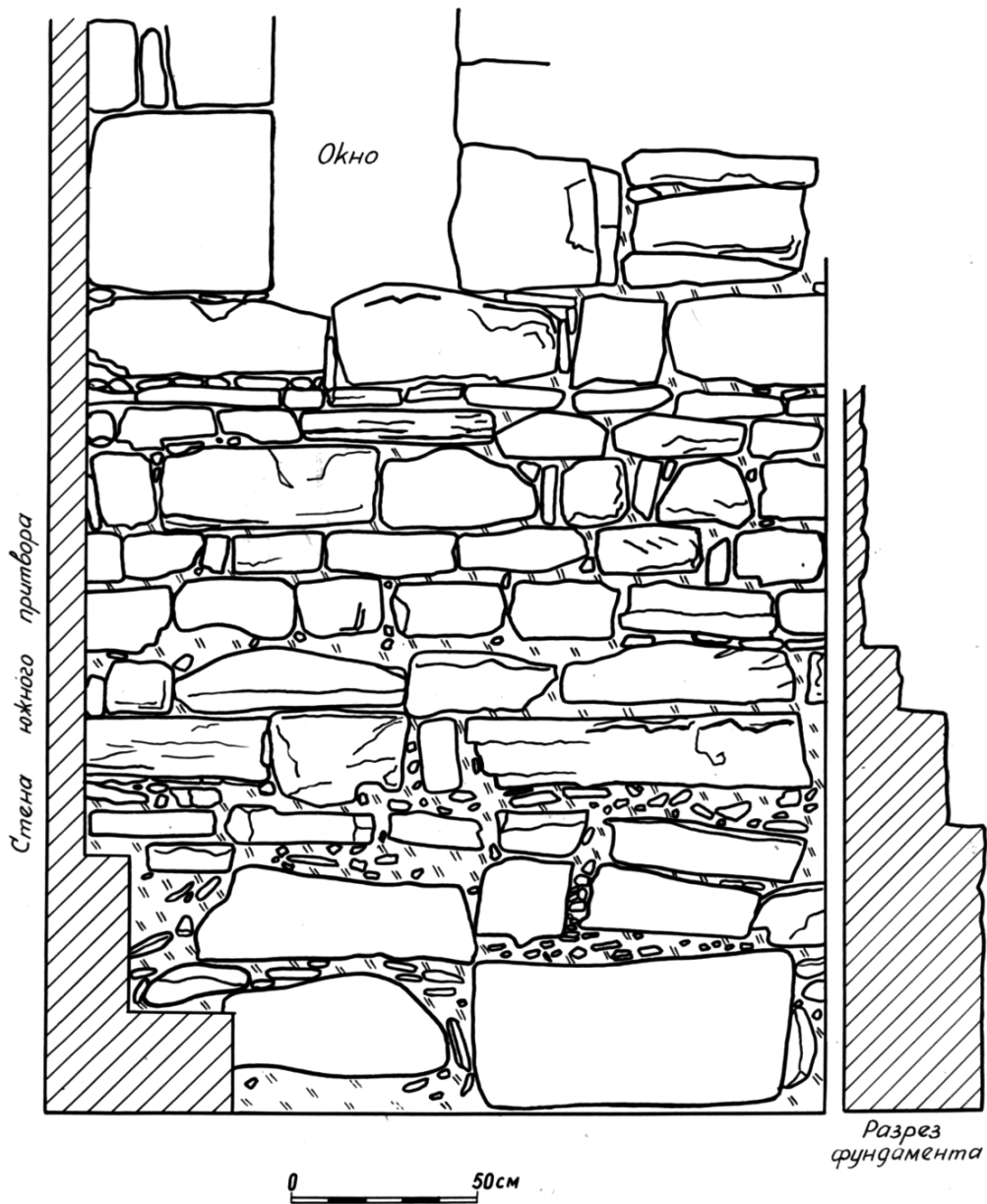

4

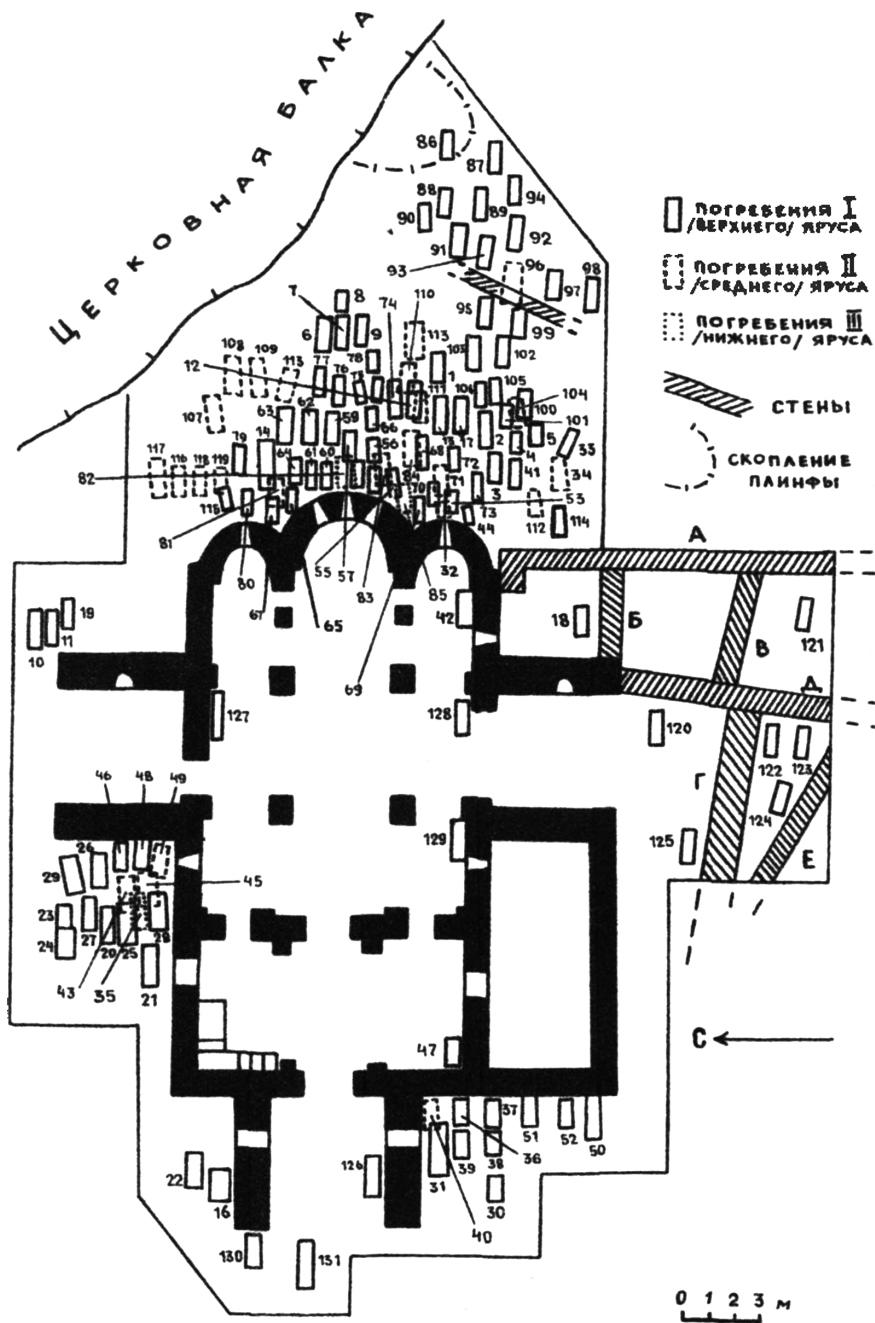

5

Северный храм, фресковые росписи: 1 — откосы окон алтаря (центральная апсида?), 2 — между окон барабана, 3—4 — в окнах барабана, 5 — откосы окон алтаря (боковые апсиды?). Фиксация худ. Д. М. Струкова, 1888 г.

Северный храм, фас и профиль с трехступенчатым фундаментом южной предапсидной стены и профиль с двухступенчатой восточной стеной южного притвора. Чертеж В. А. Кузнецова. 1960 г., квадрат 17

Северный храм, план здания после раскопок и местоположение христианских погребений в каменных ящиках

1

2

Северный храм: 1 — нартекс, часть каменной арки южной стены, упавшая на пол; 2 — северная стена, трехступенчатый цоколь фундамента.
Снимок 1960 г. в ходе раскопок

Северный храм: 1 — фрагмент костяной византийской шкатулки XI–XII вв., найденный в культурном слое у южной предапсидной стены в 1960 г. (нат. вел.); 2 — аналогичная шкатулка по О. Дальтону; 3 — каменный ящик 42, впущенный в ступени южной апсиды и ограбленный. Снимок 1960 г.

береста

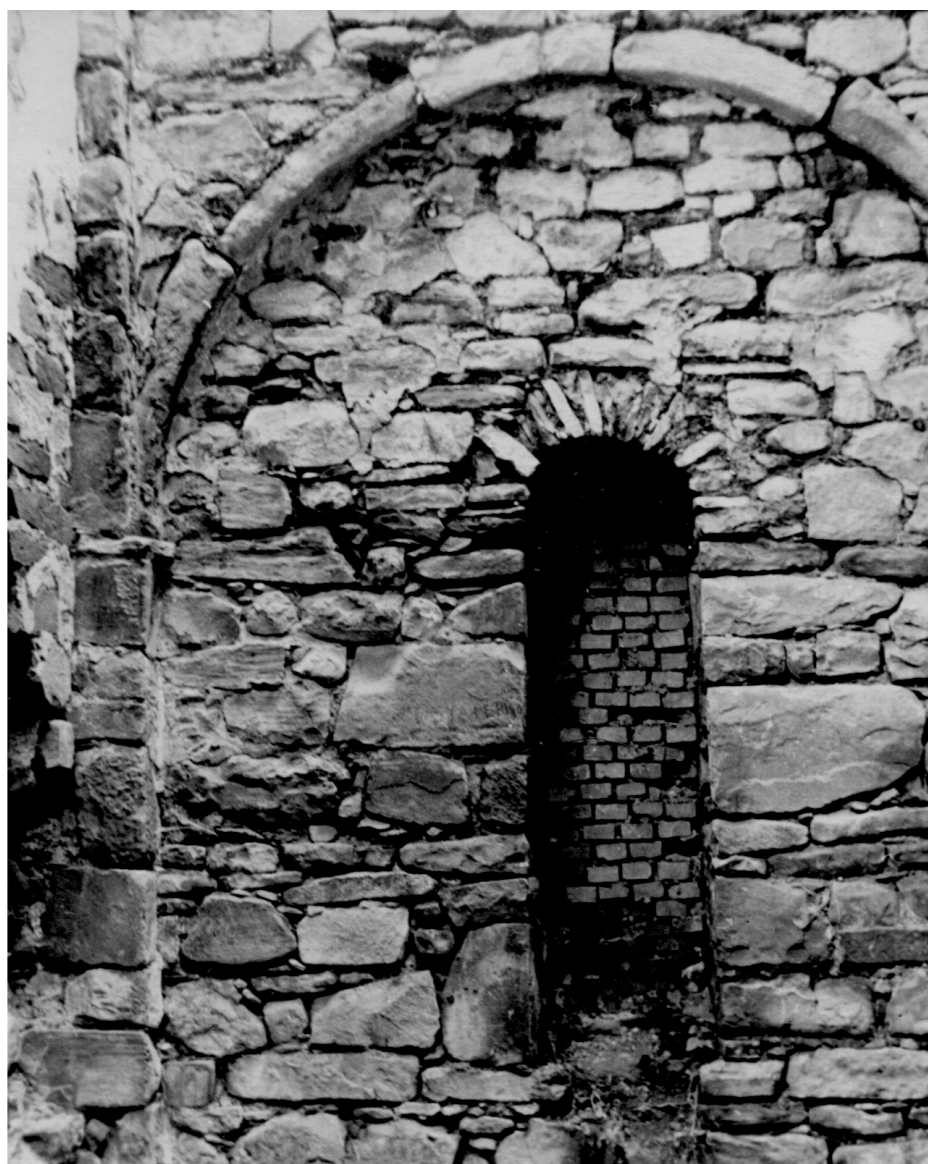

Северный храм, северо-восточная часть барабана с гидроизолирующей прослойкой бересты. Снимок 1960 г.

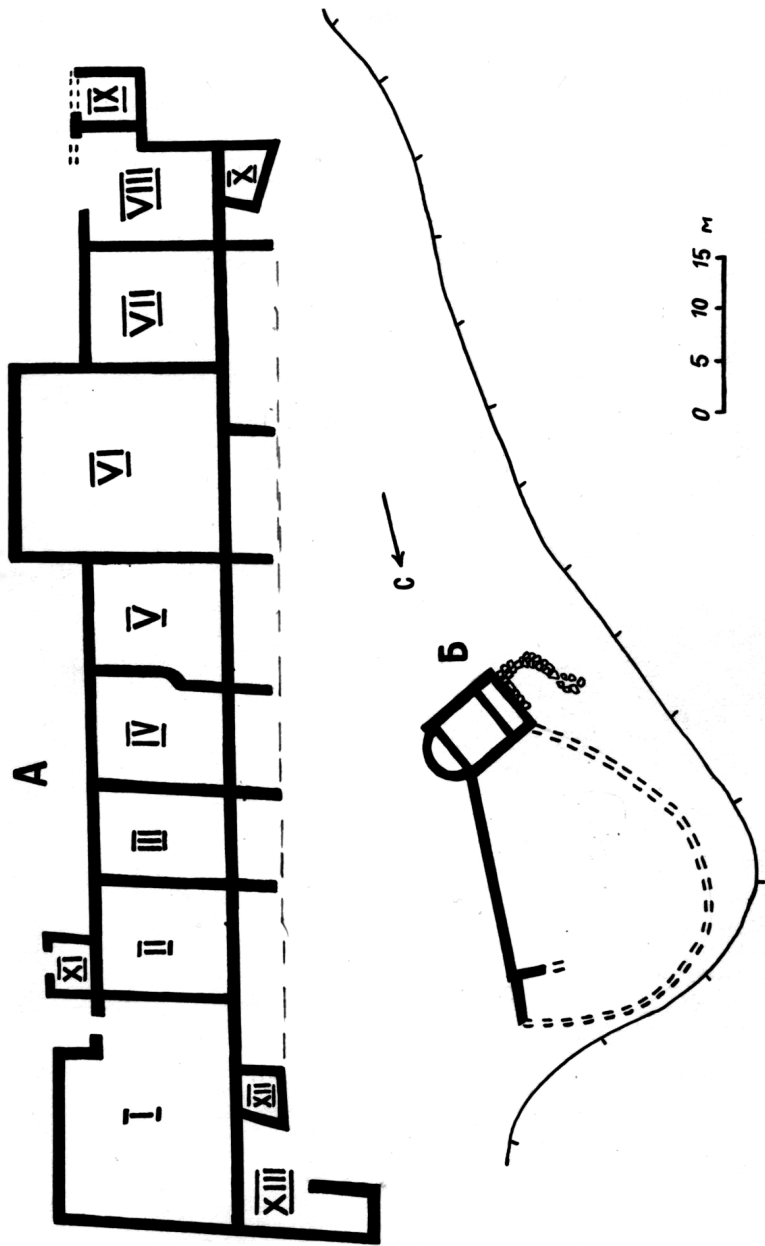

Северный храм, сочленение подпружных арок. Снимок 1960 г.

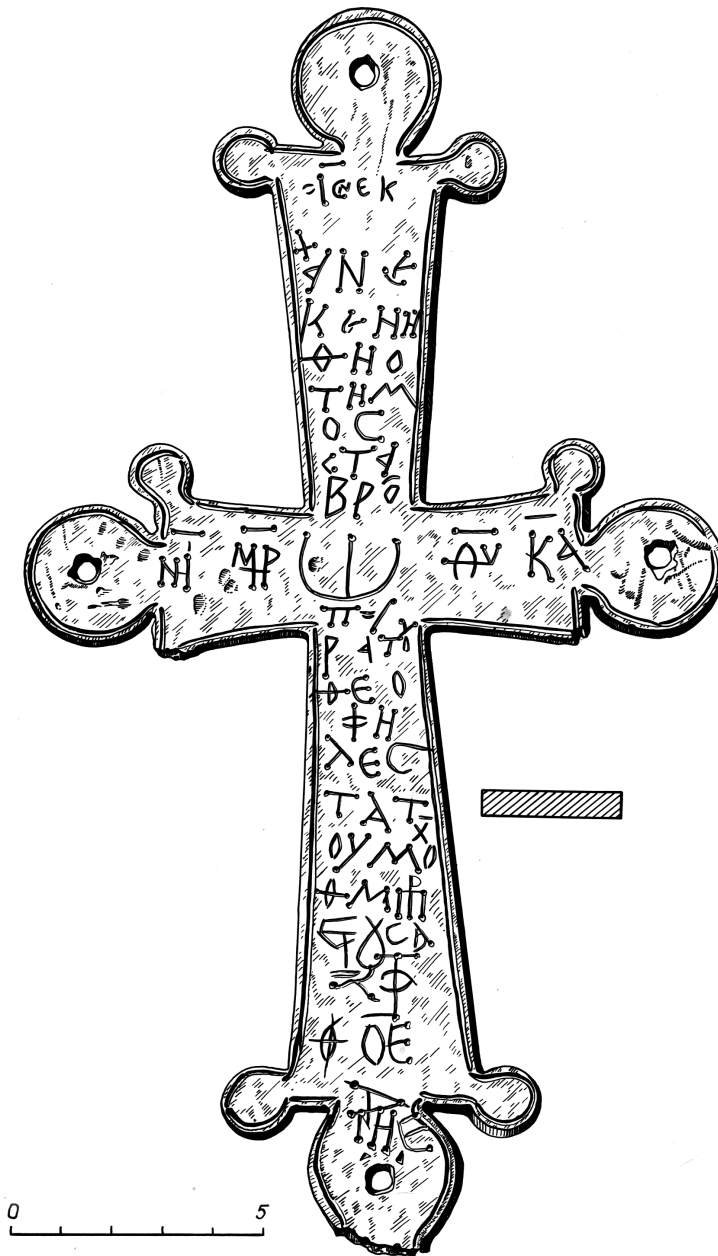

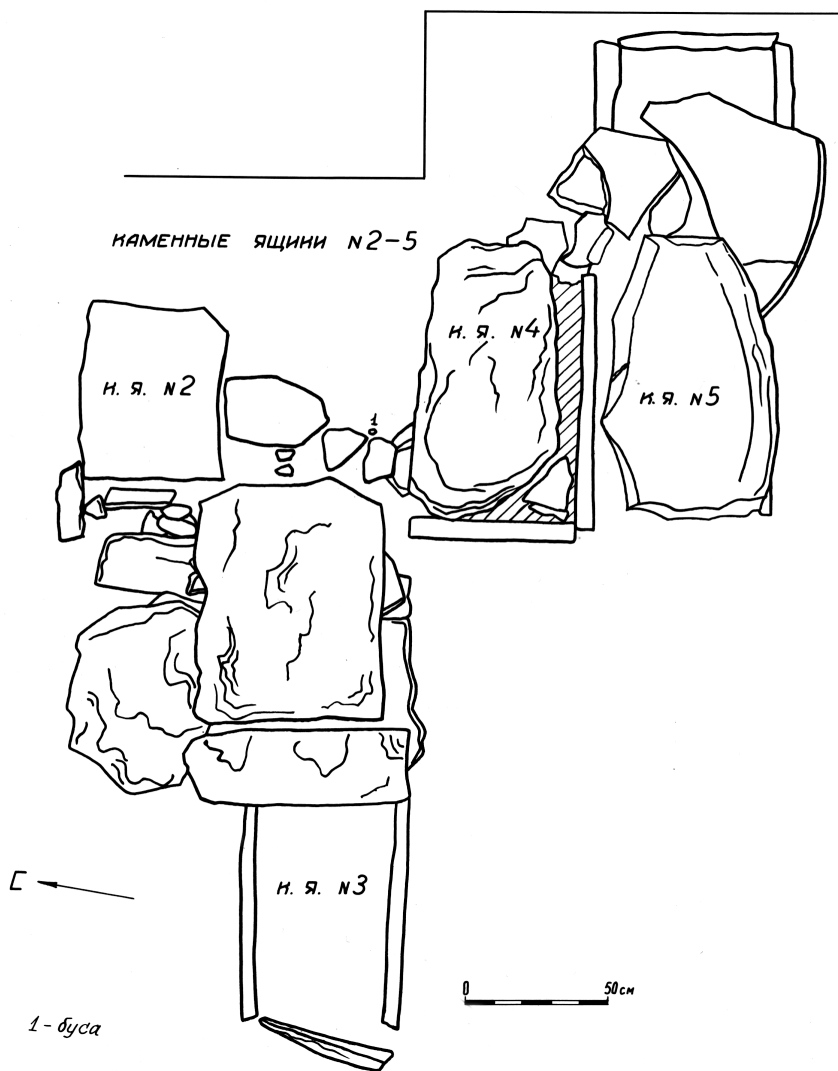
Северный храм, декоративная арка на продольной стене северного нефа.
Снимок 1960 г.

Северный храм, предполагаемая сакральная территория храма. Ситуационный план построек у северного храма: А — руины большого здания — фаланстера, Б — церковь 6. Обмеры студентов-практикантов МАРХИ, 1968 г. (без производства раскопок). Предполагаемая резиденция митрополитов X–XII вв.

Северный храм, бронзовый крест, найденный на полу нартекса около купели в 1960 г. В. А. Кузнецовым. Текст надписи гласит о возобновлении креста боголюбивейшим монахом пресвитером Фомой в 1067 г. Рукоять отломана, вторичное употребление. Хранение в КИМ

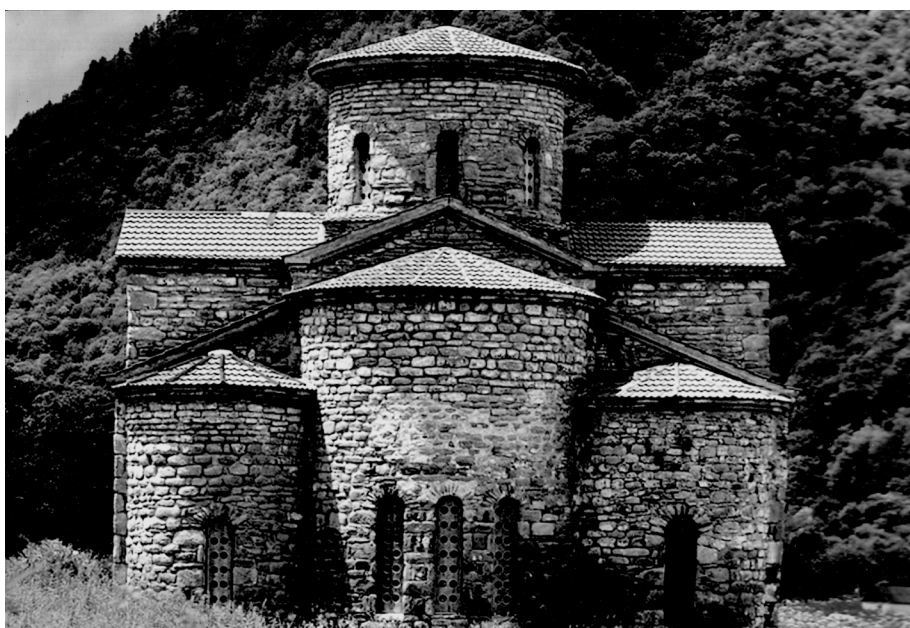
Христианское кладбище у северного храма. Каменные ящики № 2-5
близ южной апсиды

Северный храм, глава храма до начала ремонтных работ. 1970-е годы

Северный храм в начале ремонтных работ. Вид с юго-запада

Северный храм после ремонтно-реставрационных работ (современное состояние).
Восточный фасад и апсиды

Абхазский аналог — храм Успения, построен в начале X в. в Лыхны.
Вид с юга. Снимок Д. К. Чачалиа (1997 г.)

бездействовал, пока новый епископ Фома не обновил его, сделав честным крестом.

Теперь предоставим слово Е. Ч. Скржинской.

Вместе с надписью «исчезло основное назначение креста как предмета общественного культа, так как украшенный надписью честного, а во все не молитвенного и не догматического содержания, он не мог употребляться при богослужении — ни для благословения, ни для поклонения, крест с подобной надписью уже не годился». Скржинская считала, цель Фомы состояла в том, чтобы напомнить Богу о себе (там же, с. 125). То, что сакральные функции честного креста могли быть утрачены полностью или частично, возражений не вызывает. Но с версией о том, что Фома таким путем хотел рекламировать себя перед Богом, согласиться трудно. Думается, что епископ Аланский Фома искал не личной славы, а искренне хотел покаяния за порчу креста, который он возродил в середине XI в. — во время правления царя Дургулеля Великого, возродившего, но ненадолго, всю страну.

Очевидно, что неслучайно крест 1067 г. мы нашли в нартексе рядом с купелью, на цемяночном полу. Здесь было его место над папертью, на которую вели четыре ступени. Таинство крещения мог совершать только епископ или иерей (Горбачева, 2009, 240–241). Белецкий и Виноградов правы, когда говорят о возможности размещения крещальни под ведущей на хоры лестницей, а это ставит под вопрос наличия резервуара с крещальней, «хотя альтернативного истолкования предложено пока не было». Сами названные исследователи высказали предположение о возможном возникновении лестницы после упразднения крещальни и создания наружной лестницы. Приведены и соответствующие примеры в Абхазии (Белецкий, Виноградов, 2011, с. 177, прим. 268), они есть и в Грузии, а Ш. Амиранашвили засвидетельствовал в Абхазском храме в Лыхны (ближайшая параллель северному храму Нижнего Архыза) «с западной стороны имеются хоры, возведенные над притвором» (Амиранашвили, 1963, 205). Но в новейшем описании Лыхненского храма начала X в., описании весьма обстоятельном, нет ни слова о том, что было известно Ш. Амиранашвили (Чачхалиа, 2016, 11–20). Во всяком случае, данные Ш. Амиранишвили о хорах в храме Лыхны дают нам ближайшую аналогию расположению хор в северном храме, но не в притворе, а в нартексе.

Л. Г. Хрушкова описывает базилику VI–VII вв. в с. Цандрипш в 17 км от г. Гагры (Хрушкова, 2002, 137). Это крупный объект, исследованный Хрушковой. Некоторая неожиданность состоит в том, что в северной апсиде помещена крещальная купель на полметра ниже уровня пола. Глубина купели всего 30 см, облицована розоватой цемянкой. Никаких устройств

для наполнения и спуска воды не было. «Древний обычай требовал наполнения купели вручную, требование тройного погружения неопита в проточную воду не могло быть соблюдено. Крещаемый вставал в купель и его трижды обливали». Л. Г. Хрушкова приводит широкий круг аналогий, особенно из Сирии, в Святой Земле известны 53 купели (там же, 143).

Заканчивая раздел о честном кресте 1067 г. отмечу, что в Нижнем Архызе это не единственный честной крест. Выше мы уже упоминали о каменном кресте на кладбище около северного храма, найденном майором Потемкиным в 1802 г. Он содержал, кроме того что он честной, дату 1013 г., крест не могильный, о чем свидетельствует надпись, но от его интерпретации я воздерживаюсь.

Скопление греческих надписей в сакральном пространстве северного храма говорит о скоплении самих греков, возможно о существовании мужского монастыря, тем более что на вершинах окрестных гор были маленькие капеллы на одного-двух человек — для монахов-отшельников анахоретов. Известно, что в IX–XII вв. монашество в Византии достигло необычайного развития, империя была усеяна монастырями (Соколов, 1894, 44).

Богатое погребение в нартексе. Относительно размещения крещальни под возможной-невозможной лестницей на хоры Белецкий и Виноградов, разумеется, никакого объяснения не дают и лишь замечают, что противоположная, южная сторона нартекса с аркой ничем не занята, в том числе и лестницей на хоры. Почему? Думаю тут совершенно особый случай: южная часть нартекса была сакральной и табуированной, в ее юго-западном углу находилось погребение 129. Это обычный каменный ящик из плит, раскопанный в 1940 г. К. М. Петролевичем и Х. О. Лайпановым (Лайпанов, 1957). Указанные лица не археологи (преподаватели Карачаевского учительского института), любители-дилетанты, нашедшие только уникальный комплекс женских золотых или позолоченных украшений, всего более 100 предметов (Кузнецов, 2008, 194–196) и не увидевшие две берцовые кости и два ребра, выявленные мной при повторном вскрытии могилы 129 в 1980 г. следовательно, скелет явно был женщины, но видимо он был в разложившемся состоянии, перемещен и выброшен из заполнения вместе с останками угольной засыпки на полу ящика (Кузнецов, 2017, 236–237, рис.). Почему эта могила могла иметь сакральное значение и совершенно явно особый социальный статус? Ответ кроется в богатстве погребального инвентаря не местного происхождения (до сих пор никто не взялся за исследование данного комплекса). Но мы сейчас можем особо подчеркнуть детали погребального сооружения, зафиксированного мной в 1980 г. Это тщательная герметизация камеры самого ящика толстым (до 5 см) слоем

облицовки известкового раствора и стратиграфическое положение ящика 129 по отношению к уровню цемяночного пола нартекса. Оно выразительно: по отчету Х. О. Лайпанова это 2,50 м (!) в действительности, это 25 см (Кузнецов, 2017, 236), что указывает на то, что погребение было совершено вскоре после строительства храма, скорее всего, около середины X в. «Богатство украшений и местоположение могилы под полом кафедрала аланской епархии свидетельствуют о принадлежности погребенной к высшей феодальной знати Алании» (Кузнецов, 1971, 120).

Данный вывод сохраняет свое значение и сегодня с добавлением необычного аргумента, а именно, золотой перстень с алмандиновой вставкой, на которой вырезано арабским почерком «простой куфи» конца IX – начала X в. имя царя Армении Ашота I (855–928). Это — личная печать Ашота I конца IX в. (Крачковская, 1946, 114–117).

В Армении это время правления фамилии Багратидов/Багратуни (886–1045). Ашот I наиболее из них известный и связанный с арабскими властями, когда они в VIII–IX вв. отбили часть восточной Армении у византийцев, в т.ч. и территорию так называемой «Великой Армении». В этой сложной военно-политической ситуации, недостаточно ясной нам, у армянской нахарарской знати присутствовала аристократическая материальная культура, связанная с различными культурными импульсами и влияниями, разобраться с которыми неспециалисту трудно, запутаться легко. Поэтому, относительно происхождения армянского царского перстня-печати и его наверняка сложного пути из высшей аристократии Армении в Нижний Архыз мы воздержимся, ограничившись ссылкой на то, что в античное время в Иберии были очень широко распространены перстни-печати из разных материалов, а «По мере развития частной собственности широко распространяются как среди высших слоев общества, так и среди рядового населения перстни-печати различного назначения» (Археология СССР. Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии, 1985, 89). Этот результат нашего поиска может дать будущим исследователям дальнейшее желание и волю разобраться не только с замечательным перстнем-печатью царя Ашота I, но и со всем богатым комплексом украшений из нартекса северного храма. Уверен, что без такого специального, комплексного исследования нам не разобраться и с настоящей историей северного храма и его подлинного места в истории всей группы купольных храмов Западной Алании. Царский перстень Ашота I возбуждает острые вопросы: почему он оказался именно в северном храме, а не в среднем, в котором Д. В. Белецкий и А. Ю. Виноградов увидели кафедральный собор Аланской епархии вопреки здравому смыслу? Кем была женщина, погребенная именно в северном храме и как она (если она не аланка) из Закавказья (Армении?) попала в Нижний Архыз?

Д. В. Белецкий и А. Ю. Виноградов (отдадим им должное!) попытались данный феномен объяснить событиями 888 г., когда состоялось сражение между царем Картли Адарнасе IV и союзным войском Насры, а в нем участвовал аланский правитель Бакатар, который погиб (БЕЛЕЦКИЙ, ВИНОГРАДОВ, 2011, 25). Но это лишь версия-догадка, не более того, мы имеем лишь сам факт.

Как вариант для размышлений изложу свою версию с объяснением, исходя из исторического контекста. Известно, что правившая Византией Македонская династия императоров — Василий I, Никифор II Фока, Лев VI, Константин VII (867–1056 гг.) были не греческого, а армянского происхождения, как Иоанн Цимисхий и «большая часть полководцев византийской армии X в.» (ЛЕВЧЕНКО, 1940, 144). Время правления Никифора II Фоки, помогавшего в строительстве Сентинского храма (см. выше), это 963–969 гг., т.е. время действия уже построенного северного храма Нижнего Архыза. Женщина из погребения 129 в нартексе северного храма должна была оказаться в могиле между 928–969 гг., когда только что к основному зданию собора был пристроен нартекс, а также западный притвор.

С учетом особо сакральной роли и функций северного храма, не кажется неожиданным, чрезвычайным захоронение «армянской принцессы» (моя чисто условная номинация! — *Авт.*) в аланском кафедрале. Вероятно, аристократическая могила находилась в полу самой южной апсиды (каменный ящик 42), но она была полностью ограблена. Мы не узнаем, кто в ней покоился, может быть такой же политэмигрант из Закавказья, в X–XI вв. многие византийские императоры и полководцы происходили из армянской знати (КОЖДАН, 1975).

Вспомним путешествие протоспафария и будущего императора Византии Льва III Исавра в Аланию в начале VIII в. по поручению императора Юстиниана II (КУЗНЕЦОВ, 2016, 105). По М. И. Артамонову, Лев III оставался в Алании до четырех лет в полной безопасности. Союзные отношения с аланами гарантировали высоким друзьям из империи их иммунитет, особенно духовенству, и это факт.

Можно полагать, что тропа по маршруту Константинополь — Трапезунд — Питиунт и Цебельда — перевалы Санчаро и Клухор — верховья Кубани была хорошо утоптана и армянская или аланская «принцесса» была не первой и не последней представительницей высшей аристократии греко-аланского союза. Это — отдельная тема для исследователя, которого пока нет. Замечу только, что Д. К. Чачхалиа, видимо не случайно, нашел следы влияния армянской архитектуры на развитие местного (абхазского. — *В. К.*) зодчества (ЧАЧХАЛИА, 2019, 34).

Обратим внимание на погребение 42 в тщательно сработанном из плит каменном ящике, впущенном в южную апсиду (диаконник) алтаря под верхнюю ступень солеи, над уровнем пола ящик с погребением возвышался на 20 см и, следовательно, могила была в интерьере видна и это не случайно. Но монолитная верхняя плита 1,82 м длины пробита огромной дырой с рваными краями в северо-западной части ящика (Кузнецов 2017, 226), видимо, грабители не смогли поднять покровную плиту и поэтому применили лом. Ширина камеры ящика 57 см, глубина 61 см. В заполнении камеры встречено много мелких камней, древесных угольков, кусочков мела. Это перелопаченные грабителями компоненты погребального обряда чисто местного происхождения. Они свидетельствуют о местном происхождении лица, лежавшего в могиле. Наша расчистка камеры никаких предметов не дала, человеческие кости были в западной части — обломок черепной крышки, в средней части обломки костей таза и бедренных костей ног (там же, 236, рис., стр. 237)

К этому добавим каменный ящик 128, по устройству аналогичный ящику 129, также пустой. Он находился в южном нефе храма несколько западнее погребения 42 и во входе в южный притвор (см. на плане; Кузнецов 2017, с. 210). Ограблен.

Интересно, что все три особо выделяющиеся могилы 42, 128, 129 находятся в южном нефе храма или на его уровне (129), и это побуждает думать, что южный неф предназначался для элитных погребений. Это обстоятельство уже отмечалось мной (там же, с. 237), никаких комментариев не последовало. К сказанному надо добавить, что христианское православное захоронение в интерьере церкви всегда считалось очень почетным и в сакральную зону допускались только заслуженные слуги Христа.

Вернемся к богатому погребению 129. Характерно, что аналогичных в социальном плане погребений в других храмах Западной Алании нет и в этом отражено значение Северного храма как головного кафедрального собора Аланской епархии с начала X в. Недавно рассматривая спорный вопрос об объединении, по хрисовулу Алексея I Комнина, кафедр Сотириуполя и Алании, Хрушкова Л. Г. высказала сожаление о том, что источники никогда не называют ни территорию юрисдикции архиепископа Сотириуполя, ни местоположение аланской кафедры.

Но был ли этот город (Нижний Архыз. — В. К.) резиденцией аланского митрополита, по крайней мере в начале обращения Алании (Хрушкова 2004, 242)? Мы можем теперь ещё раз подтвердить, что действительно Нижний Архыз с самого начала стал резиденцией аланского митрополита в 916-917 гг. Сама резиденция пока не найдена, хотя я давно подозреваю, что она находилась на конусе выноса из балки Церковной (Кузнецов 2017,

17 рис.). Не следует представлять себе пышную резиденцию, чуть ли не дворец, на самой окраине византийского мира и культуры и в дебрях Кавказских гор.

Бытовая жизнь всех была тяжелой и плохо (с нашей точки зрения) устроенной, в том числе и епископов и их суффрагантов, тем более рядовых клириков. Это интересно — на минуту отвлечься от сухой науки и заглянуть в частную жизнь и быт местного алано-греческого общества. Известный византинист А. П. Каждан пишет: «Лиутпранд, посетивший Византию в середине X в. (время распространения христианства у алан — *В. К.*), был поражен простотой жизни Керкирского епископа, погрязшего, как показалось западному прелату в мелких хозяйственных заботах, недостойных высокого духовного лица» (Каждан, 1968, 61). Аланские епископы наверняка жили не лучше провинциальных в самой Византии. Это чувствуется в письмах миссионерам в Аланию патриарха Николая Мистика в оба патриаршества. Очень тяжелые бытовые условия стали, очевидно, главной причиной слияния Аланской кафедры с Сотириуполем (Хрушкова отождествляет его с Питиунтом, с чем не согласны абхазские историки). Другой причиной перемещения епархиального центра и епископа на р. Чорох в конце XI – начале XII в. (Малахов, 2015, 31) было сохранение дохристианских языческих культов, поверхностность христианского влияния на аланское население.

Как полагает Ф. Х. Гутнов, с 30-х гг. XI в. в Алании правил Дургулель Великий (Гутнов, 2007, 243), который обладал жёсткой централизованной властью эксусиократора и умел её применять. Но где-то в 80-е XI в. активная царская деятельность Дургулеля оборвалась. Начались процессы деградации и упадка, столь характерные не только для Алании, но и для самой Византии. В XII в. началась феодальная раздробленность. Следует заметить и то, что во второй половине XI в. на этом фоне усилился процесс эрозии всей системы пограничной обороны империи. Как пишет Г. Г. Литаврин, к середине XI в. ее восточные границы «оказались в сущности открытыми для атак сколько-нибудь организованных отрядов врага» (Литаврин, 1977, 254–255). Таким врагом для аланского православного центра в Нижнем Архызе были половцы-кипчаки, плотно расселившиеся по правобережью Кубани вплоть до ее верховьев именно к середине XI в.

Христианское кладбище. Мы только что говорили о том, что христианизация алан была далеко не безоблачным торжеством над покорившейся стихией аланского языческого традиционализма. Принятая алано-осетинами чуждая им вера легла поверхностным слоем на мощный материк древнеиранских культов, насчитывавших века и в сармато-аланскую

эпоху ставших объектом влияния для высокоорганизованного и проникновенного древнеиранского зороастризма. Нетрудно понять, с каким духовным сопротивлением христианству должны были встретиться аланские неофиты! Вряд ли византийские миссионеры на аланской земле имели большие успехи от начала и до конца проповеди православия в XIV в., масса алан в Западной Алании оставалась верной своим традиционным культам и богам, о чем свидетельствуют языческие могилы в каменных ящиках и склепах. Языческие могильники продолжают функционировать в Нижнем Архызе несмотря на то, что здесь находится центр Аланской епархии и поэтому мной долина реки Большой Зеленчук на данном участке недавно названа «Святой долиной» (Кузнецов, 2017, 311). Особую группу нехристианских погребений составляют т. н. скальные могильники в окружающих долину лесистых хребтах Ужум и Мыщешта (там же, 156–206). В отличие от христианской ингумации без вещей, языческие погребения сопровождались инвентарем почти без керамики, столь обычной в катакомбных могильниках. По подсчетам местных краеведов на территории Карачаево-Черкесии открыто более 50 наскальных могильников (Текеев, 1988, 158), один из них находится в ущелье р. Большая Лаба близ поселка Курджиново и называется «Мощевая балка». Он стал известен археологам благодаря учителю местной школы Е. А. Милованову. В результате «Мощевая балка» была стационарно исследована археологом А. А. Иерусалимской (Гос. Эрмитаж), опубликовавшей две капитальные монографии. Однако, вернемся к христианскому кладбищу, имеется ввиду кладбище вокруг северного храма. На нем нами раскопано 131 погребение в каменных ящиках. Это не соответствует нашему представлению о том, что масса алан была в начале X в. крещена, а язычников не осталось. Их было много, но центром притяжения для умерших христиан был тот же северный храм. Статистики нет, установить кто преобладал, невозможно, хотя в первой половине XIII в. аланы названы ортодоксальной нацией «Alaina Nation ortodoxe» (Les Regestes., 1971, 66, № 1257) в труде В. Лорана. Христиане в могильниках вокруг северного храма решительно преобладали и в этом убеждает эпизод, сообщенный В. М. Сысоевым в 1898 г. Вот суть. Северный храм стоит у устья балки Церковной (старое название «Бешеная»). Бурный, во время дождей полноводный ручей, направлялся к храму и рвал берег около храма, смывая берег с христианскими каменными ящиками и угрожая подмыть и обрушить сам храм (расстояние между ними доходило до 1–2 сажений, т. е., 5 м). В. М. Сысоев отмечает, что монахи местного Зеленчукского мужского монастыря отвели речку «в другое, более древнее русло, лежащее дальше к северу» (Сысоев, 1898, 117). Храм был спасен, но число разрушенных могил, иногда в три яруса, ужасало. По словам монахов, погибших могил

было множество (там же, 119), их никто не считал, иначе наши представления о христианском населении Нижнего Архыза были бы иными, вплоть до XII–XIII вв. Но фактом является то, что все христианские погребения сосредоточены в пределах территории поселка епархии, включая в нее и вершины окрестных гор с их часовнями — прибежище монахов-отшельников. Вероятно, среди них были и греки, за какие-то прегрешения сосланные на край света, и бывшие носителями греческой речи и письменности.

Концентрация христианских захоронений вокруг кафедрала, а среди них элитных могил знати внутри храма, монашествующие пресвитеры (Фома в 1067 г.), честные кресты 1013 и 1067 гг., наскальная икона Спасителя на противоположном берегу реки, длинный фаланстер (105 м.) в маленьком епархиальном поселке на конце выноса против храма, небольшие часовенки-капеллы на мысовых вершинах гор Церковной и Три сосны, наконец, эксклюзивные находки предметов если не религиозного, то бытового происхождения, такие, как пластинчато-кованые железные кресты, славяно-русские бронзовые кресты энколпионы (Корзухина, Пескова, 2003, табл. 44, 11.3.2/1; табл. 57, III.1/28; с. 405), все это в обобщенном виде представляет единственный абсолютно достоверный источник по истории Аланской епархии и северного храма, как ее кафедрала. К этому перечню добавим византийского происхождения обломки стеклянной бутылки (определение Ю. Л. Щаповой) и обломки позолоченного бронзового браслета с изображением характерного орла из каменного ящика 16 в могильнике у северного храма (Кузнецов, 2017, 219, рис. 1–2), а также обломок костяной резной шкатулки, найденный мной в культурном слое у южной апсиды храма, но вне погребения (там же, 211, рис. 1). Это хорошо известные византийские шкатулки XI–XII вв. Наш фрагмент документирует связи между Нижним Архызом и Константинополем. А. А. Пескова пишет о двух древнерусских энколпионах из могил в интерьере церковки на конусе выноса в епархиальном поселке: «Древнерусские (читай «древнеаланские». — В. К.) храмы наполнялись реликвиями Святой земли благодаря дипломатическим и династическим связям князей, заботам духовных иерархов, трудам паломников, вместе решавших ту же задачу, что некогда и первые христианские императоры Византии, также ощущавшие острую потребность в мощах святых в деле преобразования Византии в христианскую столицу — Константинополь» (Корзухина, Пескова, 2003, 6). Сходство ситуации на Руси и в Кавказской Алании, как видим, почти полное. Русские энколпионы, видимо, оказались в Нижнем Архызе не случайно, может быть через Херсонес в Тавриде-Крыму, направление, которое давно уловил, но не обосновал Богословский историк Фрэнсис Дворник (Дворник, 1970, 11).

Христианский обряд погребения не связан с обязательным помещением в могилу т.н. погребального инвентаря. Поэтому, как правило, христианские каменные ящики безинвентарные и это, в нашем случае, сильно затрудняет датирование. Нет и эпитафий, хотя бы на греческом. Поэтому значение приобретает стратиграфия, но она действует не всегда, ящики иногда разбирались, уступая место новым пришельцам.

Обсуждаемые здесь вопросы недавно привлекли пристальное внимание Т. К. Салбиева, опубликовавшего обстоятельную статью о дохристианских верованиях алан (Салбиев, 2017, 131–188). Приведен огромный конкретный и, на наш взгляд крайне интересно и убедительно интерпретированный автором, материал. Это позволило Т. К. Салбиеву сделать важный вывод о том, что «знакомство алан с христианством должно было носить не поверхностный и краткосрочный характер, но напротив, глубокий и продолжительный» (там же, 180). Я склонен принять аргументы Т. К. Салбиева, его квалификацию дохристианских верований алан как «аланский исконный религиозный «субстрат».

В завершение очерка о христианском кладбище у северного храма остановимся на каменном ящике 56, находившемся на участке близ центральной апсиды Храма. Длина ящика 2,05 м, ширина 0,5 м, глубина 0,4 м. В камере находился разрозненный женский (по инвентарю) костяк, вытянутое на спине головой на запад, руки на груди. Находки, металлическое зеркало с ушком в центре (выше правого плеча), подвески из позолоченного серебра (выше левого плеча у виска). Последняя подробно описана мной (Кузнецов, 2017, 225, 229 рис. 6), затем Е. И. Нарожным (Нарожный, 2007, 86; моя первая публикация см.: Кузнецов, 1993, рис. 129.). Не останавливаясь на деталях, подчеркнем главное: было указано на сходство Нижнеархызской подвески с позднекочевнической подвеской или серьгой половцев XI–XII вв. Это дало основание нам думать, что в ящике 56 покоится принявшая христианство женщина-половчанка (Кузнецов, 2017, 227) в рамках экзогамного брака на высоком социальном уровне. Поэтому ей нашли очень почётное место близ алтаря собора Аланской епархии. Наше осторожное отождествление погребения 56 было поддержано Е. А. Армарчук (Армарчук, 2006, 207), но традиционно оспорено Е. И. Нарожным (Нарожный, 2007, 88–89). Возражать Е. И. Нарожному нет смысла.

Почетное место на кладбище, рядом с алтарем, и комплекс находок из могилы 56, говорят о вероятном активном проникновении половцев или кипчаков в Аланскую этническую среду. Как известно, половцы расселились в степях Юго-Восточной Европы в середине XI в. и с этого времени в Предкавказье они господствуют. Все правобережье Кубани занимают половецкие кочевники, отмеченные множеством именно половецких «каменных

баб». Все это обобщено мной в статье об иранизации и тюркизации Северного Кавказа (Кузнецов, 1997, 153–176). Половцы и аланы с этих пор соседи, находятся в состоянии ареальных связей, завершившихся формированием тюркоязычных народов Северного Кавказа.

Таковы археологические источники, связанные с северным храмом и подтверждающие его статус кафедрального собора Аланской епархии изначально. Я не могу согласиться ни с Д. В. Белецким и А. Ю. Виноградовым, отрицающими этот статус северного храма, ни с В. В. Пищулиной, бездоказательно сделавшей его самым поздним храмом Нижнего Архыза и вносящей в историю храма лишь путаницу. Северный храм является самым древним купольным храмом в России, и он должен быть научно реставрирован и взят под действительную охрану государства — сакральную территорию памятника архитектуры следует передать в соответствии с Законом в ведение Русской Православной церкви. Исследовательские работы на городище должны быть продолжены, как и действительно эффективная государственная охрана всего Нижне-Архызского историко-археологического комплекса.

ЛИТЕРАТУРА

- Адзинба И. Архитектурные памятники Абхазии. Сухуми, 1958.
- Алемань Агусти. Аланы в древних и средневековых письменных источниках. М.: «Менеджер», 2003.
- Амиранашвили Ш. История грузинского искусства. М.: Искусство, 1963.
- Армарчук Е. А. Половецкие серьги // МИАП, вып. 3. Средневековая археология Евразийских степей. Сборник статей к юбилею проф. С. А. Плетневой. Москва – Йошкар-Ола, 2006.
- Афанасьев К. Н. Типологический и пропорциональный анализ Верхнекубанской группы храмов Северного Кавказа. // Новые материалы по археологии Центрального Кавказа, Орджоникидзе, 1986.
- Белецкий Д. В., Виноградов А. Ю. Нижний Архыз и Сенты: древнейшие храмы России. Проблемы христианского искусства Алании и Северо-Западного Кавказа. М.: «Индрик», 2011.
- Белецкий Д. В., Виноградов А. Ю. Фрески Сентинского храма и проблемы истории аланского христианства // РА, 1, 2005.
- Габриелян Р. А. Армяно-аланские отношения (I–X вв.). Ереван, 1989.
- Горбачева Наталья. Православие. Таинства, обряды, чудеса. М.: Астрель, 2009.
- Гутнов Ф. Х. Экзусиократор Алании и архонт Азии в X–XI вв. // Nartamongæ. The Journal of Alano-Ossetic Studies: Epic, Mythology, Language, History. Vol. IV, № 1, 2, Dzæwdzyqæw /Vladikavkaz – Paris, 2007.

- Дворник Фрэнсис. Миссии греческой и западной церквей на Востоке в Средние века // XIII Международный конгресс исторических наук. М.: «Наука», 1970.
- Дюби Жорж. Европа в средние века. Смоленск: Полиग्रимма, 1994.
- Иоселиани П. Туземные города, существовавшие и существующие в Грузии // ЖМВД, ч. 6, СПб, 1844.
- КАЖДАН А. П. Армяне в составе господствующего класса Византийской Империи в XI–XII вв. Ереван, 1975.
- КАЖДАН А. П. Византийская культура (X–XII вв.). М., 1968.
- Комеч А. И. Древнерусское зодчество конца X – начала XII в. Византийское наследие и становление самостоятельной традиции. М.: «Наука», 1987.
- Корзухина Г. Ф., Пескова А. А. Древнерусские энколпионы. Нагрудные кресты-реликварии X–XIII вв. СПб., 2003.
- Кузнецов В. А. Зодчество феодальной Алании, Орджоникидзе, «Ир» 1977.
- Кузнецов В. А. Иранизация и тюркизация центрально-кавказского субрегиона // Памятники предскифского и скифского времени на юге Восточной Европы. МИАР № 1, М., 1997.
- Кузнецов В. А. Нижний Архыз в X–XII веках, феодальный город Алании. «Кавказская библиотека», Ставрополь, 1993.
- Кузнецов В. А. Нижний Архыз и раннее православие. Аланская епархия в X–XII веках. Пятигорск: Снег, 2017.
- Кузнецов В. А. Христианство на Северном Кавказе до XV в. Владикавказ: Ир, 2002
- Кулаковский Ю. А., Христианство у алан // Ю. А. Кулаковский. Избранные труды по истории аланов и Сарматии, составление, вступительная статья, комментарии и карта С. М. Перевалова. Научное издание, СПб, «Алтейя», 2000.
- Лайпанов Х. О. Из связей Алано-хазарской и Яфетической культур // Труды Киргизского гос. пединститута им. М. В. Фрунзе, т. 2, вып. 2. Фрунзе, 1948.
- Латышев В. Заметки о кавказских надписях // ИАК, вып. 10, СПб, 1904.
- Левченко М. В. История Византии, краткий очерк. М.-Л., 1940.
- Леонид А. Абхазия и ее христианские древности. М., 1887.
- Литаврин Г. Г. Византийское общество и государство в X–XII вв. Проблемы истории одного столетия: 976–1081 гг. М.: «Наука», 1977.
- Малахов С. Н. Алания и Византия. Источниковедческие аспекты политических и церковных связей. Избранные статьи. М.: СЕМ, 2015.
- Малахов С. Н. Средневековый выносной крест с греческой надписью из Западной Алании // Историко-филологический архив, 8, 2017. Владикавказ.
- Нарожный Е. И. Об одном типе височных украшений из погребения «половчанки» с Нижнего Архыза // Археологический журнал. № 1. Армавир, 2007.
- Перфильева Л. А. Купольные храмы Западной Алании в контексте средневизантийской архитектурной традиции. // Христианское зодчество. Новые материалы и исследования. М.: Едиториал УРСС, 2004.

- Пищулина В. В. Организация храмов Нижне-Архызского городища. Христианское зодчество. Новые материалы и исследования. М.: Едиториал УРСС, 2004.
- Рчеулишвили Л. Д. Купольная архитектура VIII–X веков в Абхазии. Тбилиси, Мецниереба, 1988.
- Салбиев Т. К. Дохристианские верования алан (загробный мир) // *Nartamongæ*, vol. VII, Paris–Vladikavkaz/Dzæwdzyqæw, 2017.
- Скржинская Е. Ч. Греческая надпись из средневековой Алании // ВВ, т. XXI, 1962.
- Соколов И. И. Состояние монашества в Византийской церкви с половины IX до начала XIII века (842–1204), Казань, 1894.
- Сысоев В. М. Поездка на реки: Зеленчук, Кубань и Теберду летом 1895 года // МАК, вып. 7. М., 1898.
- Текеев Г. Х. У. Новые материалы из скальных могильников раннего средневековья на территории Карачаево-Черкессии // Вопросы Средневековой археологии Северного Кавказа. Черкесск, 1988.
- Хрушкова Л. Г. Раннехристианские памятники Восточного Причерноморья (IV–VII века). М.: «Наука», 2002.
- Хрушкова Л. Г. Христианская археология в Западной Европе и русская школа византистики // Ученые записки Российского православного университета св. Иоанна Богослова, вып. 5, М., 2000, Византистика и неоэллинистика, ред. Б. Л. Фонкич.
- Чачхалиа Д. К. Абхазское царство. Эпоха Баграта II. 978–1014 гг. М.: «Аква-Абаза», 2019.
- Чачхалиа Д. К. Композиция храмов средневековой Абхазии и ее влияние на архитектуру памятников Алании, Руси и Трапезунда. М.: Аква-Абаза, 2016.
- Чубинашвили Г. Н. Из истории средневекового искусства Грузии. М.: «Советский художник», 1990.
- L'Art au Caucase par J. Mourier. Bruxelles, 1907.
- Les Regestes des Actes du Patriarcat de Constantinople. Vol. I, Les Actes des Patriarches, Fasc. IV. Les Regestes de 1208 a 1309, par. V. Laurent. Paris, 1971.
- Ротоски Jean. Voyage dans les D'Astrakhan et du Caucase. Histoire primitive. Tome premier. Paris, 1829.